

15 ОКТЯБРЯ
1908 г.

ТУРКЕСТАНСКИЙ

№
20-й

издания

ЕПАРХИАЛЬНЫМ

100% III-й

ВѢДЪЮЩИ

Подписная цѣна на годъ 6 рублей. Плата за объявленія въ официал. ч. 20 коп. въ неофициал.—10 коп. за строку петиці; за разсылку 100 объявленій 1 р. 50 к
Адресъ редакціи: Гор. Вѣрный, Семирѣченской об. части.

ЧАСТЬ СОШІАЛЬНАЯ

Циркулярно.

Указа ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Самодержца Всероссийскаго изъ Туркестанской Духовной Консисторіи, причтаемъ церквей Туркестанской епархіи.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Туркестанская Духовная Консисторія слушала: Указъ Св. Синода, отъ 31-го іюля с. г. за № 14, такого содержанія: „По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушала: предложеніе в. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 28 мая 1907 года за № 14293, по ходатайствамъ епархіальныхъ начальствъ о разрѣшеніи помѣщать церковныя суммы на храненіе и для приращенія ихъ процентами во вновь учреждаемыя кредитныя товарищества, образцовый уставъ для которыхъ утвержденъ Министромъ Финансовъ 14 сентября и 24 ноября 1905 года. Приказали: по установленному Святѣйшимъ Синодомъ порядку, суммы монастырскія, церковныя, епархіальныхъ почительствъ, духовно-учебныхъ и другихъ, состоящихъ въ вѣдѣніи духовнаго вѣдомства заведеній и учрежденій, ни подъ какимъ видомъ и ни на какихъ условіяхъ не могутъ быть помѣщаемы для приращенія процентами въ частныя, общественныя, городскія, и другіе подъ разными названіями банки, а должны быть помѣщаемы, вслучаѣ ихъ свободности, для приращенія процентами, только въ Государственный банкъ или его отдѣленія и конторы, а равнымъ образомъ и обращаемы на покупку только государственныхъ процентныхъ бумагъ (Цурк. указъ Св. Синода 5 февраля 1883 г. № 3). Между тѣмъ, въ настоящее время отъ нѣкоторыхъ епархіальныхъ начальствъ поступаютъ ходатайства о разрѣшеніи помѣщать церковныя суммы на храненіе и для приращенія ихъ процентами во вновь учреждаемыя кредитныя товарищества, образцовый уставъ для которыхъ утвержденъ Министромъ Финансовъ 14 сентября и 24 ноября 1905 года. Обсудивъ эти ходатайства и принимая во вниманіе, съ одной стороны, что кредитныя товарищества, представляють собою новыя, еще не испытанныя на дѣлѣ учрежденія, которыя во всякомъ случаѣ будутъ находиться въ прямой зависимости отъ исправности своихъ должниковъ и что сохранность вкладовъ, вносимыхъ въ эти товарищества, можно считать обезпеченной лишь въ нѣкоторой мѣрѣ въ виду того, что только часть средствъ товарищества, не менѣе $\frac{1}{20}$ доли всѣхъ его обязательствъ должна находиться во вкладахъ Государственнаго банка, при чемъ размѣръ процентовъ по вкладамъ можетъ колебаться въ зависимости

отъ успѣшности операций Товарищества, въ случаѣ же прекращенія дѣлъ товарищества обратное полученіе вкладовъ будетъ соединено съ извѣстными затрудненіями, а съ другой стороны, имѣя въ виду тревожныя обстоятельства настоящаго времени, требующія особенной осторожности въ помѣщеніи суммъ, принадлежащихъ учрежденіямъ духовнаго вѣдомства, Святейшій Синодъ признаетъ настоятельно необходимымъ сохранить и на будущее время существующій порядокъ храненія суммъ, принадлежащихъ учрежденіямъ духовнаго вѣдомства, не допуская изъятія въ этомъ отношеніи и для кредитныхъ товариществъ и посему **опредѣляетъ:** увѣдомить о семъ для руководства въ потребныхъ случаяхъ, Московскую и Грузино-Имеритинскую Святейшаго Синода конторы, епархіальныхъ Преосвященныхъ, исп. об. завѣдывающаго придворнымъ духовенствомъ и Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства печатными указами". **Приказали:** о содержаніи указа св. Синода за № 14 объявить, (и объявляется), причтамъ церковью Туркестанской епархіи чрезъ отпечатаніе въ Туркестанскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

Октября 5 дня 1908 г. Епархіальный городъ Вѣрный.

Назначенія.

Предложеніемъ Его Преосвященства, отъ 1-го октября сего 1908 г. за № 1539, назначены: заштатный діаконъ *Петръ Громовъ* — на должность псаломщика церкви села Чалдоварь, Ауліэатинскаго у. и состоящій по вольному найму при градо-Вѣрненской Свято-Троицкой церкви, окончившій 7 классовъ Вѣрненской гимназіи *Савельевъ* — псаломщикомъ церкви села Грознаго Ауліэатинскаго уѣзда.

Утвержденіе въ должности.

Казакъ *Алексій Черемновъ* утвержденъ Его Преосвященствомъ въ должности церковнаго старосты церкви выселка Басканскаго.

Перемѣщенія.

Состоящій на должности псаломщика въ Больше-Алматинской станичной церкви діаконъ о. *Климентъ Кондратьевъ* и псаломщикъ церкви села Чалдоварь *Александръ Миловидовъ*, согласно ихъ прошеній перемѣщены Его Преосвященствомъ: первый — псаломщикомъ церкви села Сазановки и второй — псаломщикомъ церкви станицы Больше-Алматинской.

Содержаніе официальной части. Указъ Святейшаго Синода. — Назначенія. — Утвержденіе въ должности. — Перемѣщенія.

Редакторъ официальной части Свящ. В. Антоновъ.

ЖИЗНЬ ПАСЫРЬ-ИСПОВѢДНИКА

ПАСЫРЬ-ИСПОВѢДНИКЪ.

(Къ чествованію настоятеля ташкентской Іосифовской церкви, священника Петра Николаевича Богородицкаго).

Четырнадцатаго сентября, т. г., въ г. Ташкентѣ совершилось знаменательное событіе, имѣющее весьма важное значеніе въ жизни туркестанской православной церкви.

Это событіе было отмѣчено почти всей туркестанской прессой, а «Знаменитое Обзорніе» помѣстило на своихъ страницахъ и портретъ его виновника.

Событіе это—чествованіе ташкентскими гражданами, съ генераль-губернаторской семьей во главѣ, смиреннѣйшаго изъ туркестанскихъ іереевъ, настоятеля Іосифо-Георгіевской церкви священника о. Петра Николаевича Богородицкаго.

Чтобы оцѣнить значеніе этого событія для мѣстной туркестанской церкви, необходимо вникнуть въ самую сущность современнаго пасырскаго служенія, да еще въ такое трудное время, каковымъ оно является теперь, когда пасырямъ церкви приходится чаще всего встрѣчать не должную оцѣнку и соотвѣтственное воздаяніе за свои труды, а насмѣшки, ругательства и оскорбленія.

Не такъ давно пришлось мнѣ быть у настоятеля московскаго ставропигіальнаго Ново-Спасскаго монастыря, о. архимандрита Бориса. Высокочтимый отецъ архимандритъ, узнавши отъ моего спутника, что я изъ Туркестана, назвалъ меня «исповѣдникомъ». На это я заявилъ отцу архимандриту, что я недостойнъ такой высокой чести именоваться «исповѣдникомъ». На мое замѣчаніе отецъ архимандритъ отвѣтилъ мнѣ словами, которыя такъ сильно запечатлѣлись въ моемъ сердцѣ, что и до сихъ поръ онѣ пламенѣютъ тамъ тѣмъ огнемъ, съ которымъ ихъ произнесъ отецъ Борисъ.

— Теперь, когда истинные послѣдователи Христовы преслѣдуются какъ злодѣи, сказалъ мнѣ о. архимандритъ, всякій христіанскій учитель и пасырь—исповѣдникъ... А пасыри туркестанскіе, оторванные отъ родины и брошенные въ самую пасть азіатской тьмы, это пасыри—исповѣдники сугубые...

Я низко поклонился высокочтимому настоятелю московской Ново-Спасской ставропигіи и мысленно благословилъ Бога, что не перевелись еще у насъ на Руси, горящіе огнемъ любви святыя молитвенники и цѣнители нашихъ невидныхъ маленькиихъ трудовъ...

Когда я получилъ извѣстіе о чествованіи о. Петра Богородиц-

каго, въ моемъ сознаниі выросла величавая фигура московскаго Ново-Спасскаго архимандрита, который какъ-бы говорилъ мнѣ: «Посмотри! Кто и что чувствуются въ лицѣ твоего собрата? Это чувствуется — добрый пастырь, а въ лицѣ его и сонмъ туркестанскихъ исповѣдниковъ»...

Вотъ, если кто будетъ смотрѣть на это чувствованіе такимъ образомъ, тотъ уяснитъ себѣ и то серьезное его значеніе для мѣстной церковной жизни и оцѣнитъ по достоинству высокія нравственныя качества чувствуемаго пастыря, одного изъ туркестанскихъ исповѣдниковъ, смиреннѣйшаго іерея Петра Николаевича Богородицкаго.

Что изъ себя представляла за послѣдніе три года внутренняя жизнь ташкентскаго общества? Это былъ рядъ волненій, нестроеній и смуть, размѣръ и силу которыхъ нѣтъ возможности опредѣлить; ихъ можно только постигнуть тому, кто самъ переживалъ ихъ, кто на своей спинѣ испыталъ далеко «не братскіе» удары «товарищей», лицемѣрныхъ проповѣдниковъ свободы, равенства и братства, съ кощунственной дерзостью прикрывавшихъ этими словами звѣрскіе порывы своего необузданнаго эгоизма.

И не на кого такъ изобильно не сыпались удары разнузданной толпы, знающей только одну свободу, это «свободу на рознь», свободу отъ всего, отличающаго человѣка отъ животнаго, — какъ сыпались они, эти грязные удары, на пастырей церкви Христовой.

Въ одной изъ своихъ статей, напечатанныхъ въ «Туркест. Епарх. Вѣдом.», почтеннѣйшій о. Петръ Николаевичъ жаловался, что въ Ташкентѣ было такое время, что человѣку въ рясахъ нельзя было показаться на улицѣ. Какъ только появлялся этотъ человѣкъ въ рясахъ гдѣ нибудь въ мѣстахъ общественныхъ собраній, на конкѣ, на вокзалѣ, какъ отовсюду сыпались на него насмѣшки, ругательства, грубыя остроты и угрозы о нанесеніи оскорбленій дѣйствіемъ.

О такомъ обидномъ положеніи ташкентскихъ пастырей о. Петръ писалъ не съ чужихъ словъ, а все испыталъ на самомъ себѣ.

Такое оскорбительное отношеніе къ нему, въ большинствѣ неизвѣстныхъ ему, «товарищей» свободы, равенства и братства, основанной на принципѣ: «емъ его давяще», было особенно тяжкимъ для чуткой и высоконравственной природы о. Петра Николаевича, не обидившаго по свидѣтельству наиболѣе видныхъ и хорошо знающихъ его прихожанъ за все время своего служенія никого даже словомъ, терпѣливо и съ христіанскимъ благодушіемъ переносившаго всѣ чинимыя ему обиды, не знавшаго никогда даже своихъ враговъ, и едвали ихъ имѣвшаго, за исключеніемъ, конечно, завистниковъ, которыхъ и у Сына Божія было столько, что изъ нихъ можно было составить цѣлые «легіоны».

— «Особенно тяжело было у меня на душѣ тогда, говорилъ однажды мнѣ П. Н., когда я получилъ приказаніе отслужить молебенъ ташкентскимъ выборщикамъ предъ избраніемъ члена въ первую Государственную Думу... Мнѣ сказали, что въ церковь никто не пойдетъ и идти не хочетъ... Думалъ, думалъ: что дѣлать? Кому не скажу, что надо помолиться. Отвѣтъ одинъ: — «зачѣмъ это нужно! И такъ ладно»!.. «Время такое было... Жалко мнѣ ихъ стало и обижать не хотѣлось... Пошелъ я къ каждому отдѣльно и каждого просилъ придти въ храмъ помолиться. Къ великому моему удовольствію большинство выборщиковъ при разговорѣ со мной не только не отказались отъ молитвы, но выразили даже негодованіе на тѣхъ, которые отъ этого отказывались... Къ молебну они явились почти всѣ... Не явились только ярые «товарищи», но и они, я думаю, не пришли больше изъ ложнаго стыда... Такое время было...»

Не мало терній было брошено Петру Николаевичу и на его служебной дорогѣ. Бѣды отъ лжебратій-товарищей вызывали въ его сердце, какъ онъ говорилъ мнѣ самъ объ этомъ, только сожалѣніе о тѣхъ заблужденьяхъ, въ которыя впали его невольные обидчики... Но были болѣе жестокія бѣды... Это бѣды отъ братіи своей, отъ собратьевъ по службѣ; бѣды эти, конечно, больше всего рѣзали его сердце...

Но пастырь-исповѣдникъ и ихъ перенесъ съ мужествомъ, отвѣчая на нихъ своей христіанской кротостью...

Церковная школа, созданная имъ, его личными трудами, была тѣмъ центромъ, около котораго кружилась злоба и зависть, съ ожесточеніемъ направлявшихъ свои стрѣлы въ сердце ея основателя и благотворителя... Но любовь и тутъ взяла верхъ: пастырь исповѣдникъ за зло платилъ кротостью и добромъ...

Я помню одинъ такой грустный моментъ изъ его школьной дѣятельности, при воспоминаніи о которомъ мнѣ становится и жутко, и больно, и боязно... Боязно за будущее нашей церковной школы, если такіе моменты будутъ часто повторяться въ ея жизни... Тяжелый этотъ моментъ!.. И лучше-бы объ немъ не говорить, если-бы онъ не служилъ подтвержденіемъ того, что о. П. Н. получалъ тернистые букеты и отъ своей братіи...

Однажды Петръ Николаевичъ выслушалъ совершенно незаслуженное замѣчаніе въ присутствіи учащихся и учащихъ въ стѣнахъ, созданной имъ церковной школы, о неправильномъ яко-бы преподаваніи въ ней Закона Божія... И замѣчаніе отъ кого? Отъ самого архипастыря (нынѣ уже выбывшаго изъ епархіи), довѣрчиво отнесшагося къ совершенно несправедливымъ наговорамъ на него его «друзей»...

Но онъ не опровергнулъ его, а по обычаю христіанскому—пе-

ренесь все съ кротостью... Опроверженіе это было совершенно излишнимъ: всѣ знали, что выговоръ не отвѣчалъ дѣйствительности...

Человѣкъ съ другимъ характеромъ возмущился-бы этой несправедливой оцѣнкой и ушолъ-бы въ сторону отъ этого дѣла, за которое на него сыплются невзгоды, но пастырь-исповѣдникъ остался на своемъ посту и до нашихъ дней, которые сдѣлались и для него, наконецъ то, настолько ясными, что теперь уже никакая сила не затянетъ его трудовъ отъ должной оцѣнки...

Я не буду касаться подробно о всѣхъ тѣхъ трудахъ, которые понесъ на себѣ П. Н. по устройенію приходской жизни своей паствы и которые вызвали всеобщее къ нему уваженіе, выразившееся въ минувшемъ чествованіи. Самъ по себѣ совершившійся фактъ чествованія краснорѣчивѣе словъ говорить о тѣхъ высокихъ нравственныхъ качествахъ чествуемаго, которыя собрали къ нему на праздникъ массу людей различнаго общественнаго положенія и убѣжденій...

Фактъ въ Туркестанскомъ краѣ небывалый... Были торжественныя проводы, юбилеи, но такого чествованія скромнаго приходскаго пастыря не бывало... Въ былое время у насъ въ Туркестанѣ, кстати сказать, пастыри-труженики не особенно-то цѣнились... Удѣлъ ихъ былъ прямо мученической... Получить здѣсь какой нибудь знакъ вниманія, въ недавнее еще время, — была вещь почти невозможная... Поэтому-то, случившееся событіе еще болѣе подчеркиваетъ особенность служенія о Петра Николаевича, его проникновенность вѣчными завѣтами Христовой любви — матери всѣхъ добродѣтелей...

Ободритесь пастыри-труженики! Возликуйте пастыри-исповѣдники! Это не о Петра чествовали, а любовь Христову величали, которой горить, какъ свѣча, досточтимый нашъ собратъ Петръ Николаевичъ!

Отрите слезы пастыри-страдалцы! Есть еще много сердець, которымъ дороги и нужны ваши труды, которыя могутъ въ грустныя минуты вашей страдальческой жизни облегчить своимъ участіемъ тяготы вашего бремени, ослабить житейскія тѣснины вашихъ узъ...

Примѣромъ можетъ служить высокочтимый нашъ собратъ о. Петръ Николаевичъ Богородицкій.

Свящ. М. Колобовъ.

Чествованіе о. Петра Богородицкаго прихожанами Іосифо-Георгіевской церкви.

Въ воскресенье, 14 сентября этого года, небольшою городскою храмомъ во имя святыхъ Іосифа и Георгія былъ особенно переполненъ молящимися всѣхъ возрастовъ и званій. Можно безъ преуве-

личения сказать, что такое количество молящихся наблюдается только за св. заутреней, когда не только въ церкви, но и вокругъ нея моляшіеся стоятъ плотною массою, въ среду которой трудно проникнуть запоздавшему богомольцу.

То были почитатели священника прихода Іосифо-Георгіевской церкви о. Петра Николаевича Богородицкаго, среди которыхъ около церковнаго амвона занимали мѣсто новый главный начальникъ края генераль-адъютантъ Павелъ Ивановичъ Мишенко съ супругою Любовью Алексѣевной, военный губернаторъ Сыръ-Дарьинской области генераль-лейтенантъ М. Я. Романовъ и начальникъ города Ташкента полковникъ Н. К. Калмаковъ.

Праздничное богослуженіе, посвященное воспоминанію о воздвиженіи Креста Господня, сопровождалось торжественнымъ пѣніемъ мѣстнаго церковнаго хора и отличалось особою настроенностью несмотря на то, что совершалось только священникомъ и діакономъ безъ участія постороннихъ священнослужителей. Всѣ чувствовали, что по окончаніи литургіи услышатъ обращеніе къ своему любимому священнику и увидятъ подносимый ему съ благословенія Туркестанскаго епископа, наперстный крестъ. При полной тишинѣ и порядкѣ въ церкви, несмотря на многолюдство молящихся, литургія была закончена и вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ было обращено на правый клиросъ, гдѣ находился городской голова Н. Г. Маллицкій съ адресомъ о. Петру и съ золотымъ крестомъ, положеннымъ на блюдо. Хоръ пропѣлъ заключительную церковную молитву, о. Петръ вышелъ изъ алтаря и остановился окого лѣваго клироса... Городской голова обратился къ нему съ слѣдующими словами.

«Достоуважаемый отецъ Петръ Николаевичъ.

Лѣтомъ текущаго года среди прихожанъ Іосифо-Георгіевской церкви и другихъ православныхъ христіанъ города Ташкента возникла мысль почтить совершившееся 15-лѣтіе вашего пастырскаго служенія поднесеніемъ вамъ наперснаго креста. На прошеніи прихожанъ о семъ его преосвященство преосвященнѣйшій Димитрій, епископъ Туркестанскій и Ташкентскій, изволилъ положить слѣдующую милостивую резолюцію: «да благословитъ Господь небеснымъ своимъ благословеніемъ добрыхъ братьевъ Ташкентской Іосифо-Георгіевской церкви. Проявленіемъ своего высоко христіанскаго чувства благодарности къ достойнѣйшему изъ моихъ пресвитеровъ они меня утѣшили. Св. апостолъ Павелъ оставилъ намъ слѣдующую заповѣдь: достойно начальствующимъ пресвитерамъ должно оказывать сугубую честь, особенно тѣмъ которые трудятся въ словѣ и ученіи (1. Тим. 3, 15). О. Петръ непостыдно, Божіей милостью, на радость мнѣ и ввѣренныхъ его духовному водительство чадъ Божіихъ, подвизается уже много лѣтъ. Поэтому могу только радоваться, что

Господь сподобилъ моихъ пасомыхъ, прихожанъ Иосифо-Георгиевской церкви, исполнить заповѣдь апостольскую. Молось о томъ, чтобы любовь ваша еще болѣе возрастала» (Филип. 1, 9).

Во исполненіе архипастырской резолюціи прихожане ваши уполномочили нынѣ меня совмѣстно съ почтеннѣйшими гражданами прихода вашего прочесть и поднести вамъ вмѣстѣ съ крестомъ также слѣдующій адресъ, покрытый многочисленными подписями, среди которыхъ имѣются также подписи довѣреннаго слуги Государева, новаго главнаго начальника края, Павла Ивановича Мищенко и супруги его высокопревосходительства Любови Алексѣевны».

Вслѣдъ за этимъ Николай Гурьевичъ прочелъ слѣдующій текстъ адреса прихожанъ:

«Ваше высокопреподобіе,

Глубокочтимый и высокоуважаемый о. Петръ Николаевичъ!

1 июня текущаго года исполнилось 15 лѣтъ священства вашего въ должности настоятеля Ташкентской Иосифо-Георгиевской церкви. Всѣ эти 15 лѣтъ служенія вашего въ санѣ священника принадлежатъ главному городу мусульманской окраины нашего православнаго отечества — Ташкенту. Состоя безпрерывно въ теченіе этого времени въ званіи духовнаго нашего пастыря, вы съ истиннымъ достоинствомъ выполняли свои высокія обязанности и благоговѣйнымъ служеніемъ въ нашей церкви, назидательнымъ проповѣдываніемъ слова Божія, строгимъ образомъ жизни и неуклоннымъ слѣдованіемъ добрымъ завѣтамъ русско-православной старины, вы приобрѣли въ глазахъ всѣхъ знающихъ васъ вполне заслуженное уваженіе. Въ то-же время одинаковою доступностью для всѣхъ безъ различія званія, состоянія и возраста, кротостью, обходительностью въ обращеніи, миролюбіемъ, терпѣніемъ, трудолюбіемъ и пастырскими заботами о своихъ прихожанахъ, вы снискали себѣ общую любовь многочисленныхъ прихожанъ и духовныхъ чадъ вашихъ, среди которыхъ есть много лицъ, не принадлежащихъ къ нашему приходу. Вы всегда проявляли искреннюю заботливость о поддержаніи внѣшняго и внутренняго благоустройства нашего приходскаго храма и прилагаете свой безплатный трудъ въ дѣлѣ обученія дѣтей прихожанъ въ нашей церковно-приходской школѣ въ духъ христіанской религіи и православной церкви.

Поэтому, съ чувствомъ искренней признательности и почтенія мы привѣтствуемъ васъ, достоуважаемый о. Петръ съ исполненнымъ 15-лѣтнемъ служенія вашего церкви Божіей и нашему приходу и усердно молимъ Бога, чтобы Онъ, молитвами вашего небеснаго заступника св. апостола Петра и предстательствомъ небесныхъ покровителей нашего приходскаго храма преподобныхъ Иосифа и Георгія, и впредь осѣнялъ васъ въ здравіи и долгоденствіи на радость и утѣшеніе всѣхъ вашихъ почитателей.

Одушевляемые такими чувствами къ вамъ, глубокочтимый ба

тющка, мы пожелали отмѣтить въ жизни вашей знаменательный для васъ и для насъ день исполнившагося 15-лѣтняго служенія вашего нашей церкви и намъ, и по единодушному рѣшенію приобрѣли для васъ на собственныя средства золотой наперсный крестъ, синодальнаго образца, который съ благословенія и соизволенія его преосвященства, преосвященнѣйшаго Димитрія, епископа туркестанскаго и ташкентскаго, изложеннаго въ письмѣ на имя ташкентскаго городского головы Николая Гурьевича Малицкаго отъ 11-го августа 1908 года за № 1383, просимъ васъ принять на всегдашнюю память объ искренней признательности къ вамъ всѣхъ подписавшихся подъ настоящимъ нашимъ обращеніемъ къ вамъ.

Примите, высокочтимый нашъ духовный пастырь, подносимый вамъ знакъ нашей любви и уваженія и не оставляйте насъ въ нашихъ молитвахъ и духовномъ руководствѣ.

Мы сознаемъ, что тяжелый подвигъ вы несете въ своемъ пастырскомъ званіи и, поднося вамъ крестъ въ день Воздвиженія св. Животворящаго Креста Господня, уповаемъ, что и дальнѣйшее служеніе ваше нашему храму и намъ послужитъ къ прославленію имени Божественнаго Основателя нашей христіанской вѣры и Единой Главы нашей православной церкви).

По прочтеніи адреса городскимъ головою былъ поднесенъ о. Петру наперсный крестъ, который былъ имъ благоговѣнно принятъ и надѣтъ.

Въ отвѣтъ на привѣтствіе о. Петръ, тронутый такимъ вниманіемъ прихожанъ, обратился къ присутствующимъ въ церкви со слѣдующими словами:

«Ваме высокопревосходительство, достоуважаемый глава нашего города Николай Гурьевичъ и добрые сомолитвенники-прихожане! Съ сердечнымъ умиленіемъ я выслушалъ ваше милостивое слово о моемъ пятнадцатилѣтнемъ служеніи въ семь святомъ храмѣ и съ глубокой благодарностью и благоговѣніемъ принимаю отъ васъ столь дорогой для меня даръ вашъ. Преисполненный чувствъ душевной признательности вамъ за это выраженіе вашей любви, не могу отнести этого высокаго вниманія, этихъ добрыхъ словъ сочувствія и хвалы лично къ себѣ, а принимаю все это, какъ знакъ вашего уваженія къ служителю церкви Христовой, Таинъ Божіихъ и вѣстнику спасенія.

Принимаю отъ васъ этотъ даръ, какъ трогательнѣйшій знакъ любви христіанской. Здѣсь на крестѣ начало и основаніе любви, по слову апостола: «не мы возлюбили Бога, но онъ возлюбилъ насъ и послалъ Сына Своего въ умиленіе за грѣхи наши, а если такъ вослюбилъ насъ Богъ, то и мы должны любить другъ друга». Принимаю отъ васъ этотъ даръ любви, какъ всегдашнее обязательство моей посильной молитвенной о васъ памяти, когда я, по долгу священства, буду предстоять престолу Всевышняго, этотъ знакъ

вашей любви будетъ на моей груди, а трогательная надпись ваша на немъ усугубитъ мои добрыя чувства къ вамъ, мое желаніе молиться о васъ и о чадахъ вашихъ. Я имѣю счастье принять вашъ даръ въ великій праздникъ Воздвиженія Креста Христова. Да вознесется же едиными устами и единымъ сердцемъ молитва распятому за насъ Спасителю нашему Господу Иисусу Христу, да ниспошлетъ Онъ свои великія милости всѣмъ добрымъ прихожанамъ св. храма сего, здравіе и долгоденствіе на многія лѣта и да утѣшитъ васъ въ вашихъ чадахъ и потомкахъ, а мнѣ, недостойному служителю сей великой святыни, да поможетъ въ мирѣ, цѣлымъ, честнымъ, и здоровымъ продолжать мое служеніе, врученной мнѣ Господомъ Богомъ, дорогой моей паствѣ).

«Почитаю, — сказалъ далѣе о. Петръ, — приятнымъ долгомъ подѣлиться съ вами, дорогіе мои прихожане, архипастырскимъ привѣтомъ нашего милостиваго владыки, которымъ его преосвященство изволилъ осчастливить меня въ настоящій приснопамятный для меня день. Молитвенно пожелаемъ нашему владыкѣ здравія и долгоденствія на радость, счастье и духовное преуспѣяніе, врученной ему Господомъ Богомъ туркестанской паствы.

Текстъ телеграммы преосвященнѣйшаго Димитрія:
«Духомъ съ вами, глубоко тронутый торжествомъ достойнѣйшаго настоятеля Іосифо-Георгіевской церкви, матери церквей ташкентскихъ, отъ всего сердца привѣтствую смиреннѣйшаго отца Петра. Молитвенно желаю отъ Господа сподобиться наивысшихъ наградъ церковныхъ»

По прочтеніи телеграммы его преосвященства о. Петръ, въ служеніи своего помощника и священника села Никольскаго, вышли на средину храма и отслужили благодарственный молебенъ, въ заключеніе котораго дьякономъ церкви было провозглашено многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему дому, а затѣмъ самимъ о. Петромъ было провозглашено многолѣтіе св. синоду и преосвященному Димитрію, епископу Туркестанскому и Ташкентскому съ богохранимою паствою и главному начальнику края, градоначальникамъ, прихожанамъ и молитвенникамъ храма св. Іосифа и Георгія и всѣмъ православнымъ христіанамъ.

Когда всѣ молившіеся приложились къ св. кресту, Главный Начальникъ края вмѣстѣ съ городскимъ головою и церковнымъ старостою подписалъ на имя превсвященнѣйшаго Димитрія слѣдующую телеграмму:

«Общество прихожанъ Іосифо-Георгіевской церкви съ участіемъ православныхъ христіанъ всего города Ташкента сегодня послѣ литургіи поднесло глубокоуважаемому нашему пастырю о. Петру Николаевичу Богородицкому золотой наперсный крестъ и помолилось о здравіи и долгоденствіи вашемъ, милостивый владыка и архипастырь».

Его преосвященство въ тотъ-же день отвѣтилъ главному начальнику края и городскому головѣ слѣдующими телеграммами:

«Ташкентъ. Главному начальнику края генераль-адъютанту Павлу Ивановичу Мищенко.

Приношу искреннюю благодарность вашему высокопревосходительству за милость, высокое вниманіе, христіанскую любовь, оказанныя вами пастырю-труженику. Сердечная доброта, великодушіе, смиреніе, отзывчивость—отличительныя свойства всѣхъ неустрашимыхъ вождей-героевъ. Благодаримъ Создателя за дарованіе намъ начальника, украшеннаго этими добродѣтелями. Многая лѣта нашему дорогому любвеобильному Генераль-Губернатору».

«Ташкентъ. Городскому головѣ.

Принесши благодарность нашему общему начальнику, шлю такую же вамъ, многуважаемый Николай Гурьевичъ, и церковному старостѣ съ молитвеннымъ пожеланіемъ всѣмъ участникамъ торжества долгоденствія и всѣхъ благъ отъ Господа».

Такъ началось и закончилось скромное, но въ то-же время многознаменательное чествованіе приходскаго священника своими прихожанами и почитателями. Нѣкоторые изъ прихожанъ и почитателей о. Петра посѣтили его въ этотъ день на квартирѣ, гдѣ еще разъ выразили ему свое сердечное расположеніе и глубокое уваженіе.

(Т. В.)

Изъ дневника священника.

(Окончаніе)

17 августа 190... года. Былъ въ городѣ. Около полдня ранень въ паркѣ, противъ губернаторскаго дома, его чиновникъ особыхъ порученій П. Тамъ было двое гимназистовъ, которые видѣли злоумышленниковъ до покушенія, прогуливающихся по парку. Одного изъ нихъ они опознали и онъ былъ забранъ и посаженъ подъ стражу. Нѣтъ, нѣтъ, да и здѣсь изрѣдка г.г. «народные просвѣтители» совершаютъ кровавыя разбойническія расправы надъ чинами полицейскими и административными.

Въ текущемъ мѣсяцѣ у насъ въ селѣ было два пожара. При одномъ сгорѣлъ лишь клеверъ, а при другомъ, сверхъ клевера,—еще сарай, да и съ дому крышу сбросали. И тотъ и другой пожаръ произошли отъ ребятишекъ: остались они одни дома и зажгли соломѣ. Пожары здѣсь очень рѣдкое явленіе, хотя не потому, что народъ аккуратный. Нѣтъ—это зависитъ отъ характера построекъ: онѣ глиняныя, съ глиняными-же полами и крышами. Во дворахъ также горючаго матеріала, за исключеніемъ дровъ, нѣтъ: клевера и солома складываются на крышахъ службы.

15 октября. Открылось у насъ общество потребителей изъ 200 паевъ, по пяти рублей каждый. Мѣстные русскіе торговцы стараются

разстроить это дѣло своими совѣтами крестьянамъ: «тому-де не будетъ, деньги пропадутъ». Дай Богъ, чтобы это дѣло пошло, предметы первой необходимости, какъ-то: сахаръ, керосинъ будутъ дешевле, цѣны на нихъ будутъ устойчивѣе, безъ скачковъ. А то при худой дорогѣ цѣны на керосинъ удваивались, а сахаръ всегда былъ дороже городскихъ цѣнъ на 5—6 коп. въ фунтъ.

Церковный староста нашъ, прослуживъ годъ, подалъ заявленіе объ увольненіи его отъ должности. Изъ консисторіи пришелъ указъ объ избраніи другого, но я его убѣдилъ остаться, и онъ согласился, подалъ другое заявленіе о желаніи продолжать службу. Мнѣ онъ говорилъ ранѣе, что отказывается отъ должности потому, что служба безъ жалованья, а стороной я слышалъ другое, отказывается отъ того, что мы съ нимъ поговорили крупно, относительно церковнаго хозяйства, собственно расходованія денегъ изъ кружекъ отъ различныхъ сборовъ. Онъ все высказывалъ мнѣ недовольство, что много разныхъ сборовъ съ церкви, много сборовъ въ кружки, церкви самой деньги нужны. Я ему объяснялъ, что налоги и сборы идутъ для пользы же церквей, что не нужно слушать и вѣрить всему, что ему наговариваютъ мужики про это подъ влияніемъ «свободныхъ газетъ», социально-революціонныхъ листковъ и брошюрокъ, бесѣдъ съ городскими, желѣзнодорожными агитаторами. Пока онъ исполнялъ распоряженія начальства по взносу денегъ, сборовъ, хотя съ неудовольствіемъ и воркотней. Потомъ дѣло дошло до открытаго неповиновенія, когда я далъ ему бумагу благочиннаго о переводѣ ему 20 руб. прогоновъ затраченныхъ при обзорѣннн церквей въ маѣ. Староста мой сказалъ, что прежде спросить разрѣшенія общества на расходъ этотъ. Я съ своей стороны сказалъ ему, что если онъ не выдастъ этихъ денегъ, то онъ и общество попадутъ подъ отвѣтственность. Это подѣйствовало: деньги тотчасъ-же были выданы мнѣ для перевода. Поэтому случаю я съ нимъ поговорилъ довольно крупно... Хоть кого взорветь... Вотъ эта и была главная причина его отказа.

Общество назначило ему жалованье 36 руб. въ годъ. Станный взглядъ! Богатый мужикъ и соглашается взять какіе-то тридцать рублей несчастные! Должность церковнаго старосты считается почетною, многіе, я думаю, сочли-бы за честь служить церкви, а тутъ 30 руб. жалованья.

9 ноября. Ночью пріѣзжалъ уѣздный начальникъ съ жандармами; дѣлали обыскъ у двухъ крестьянъ К. и М., но ничего не нашли. Говорятъ, кто-то пустилъ слухъ, что у нихъ есть тайная типографія, вотъ причина обыска. Крестьяне эти — ближайшіе помощники городскихъ главарей с. р. партій.

На дняхъ выслали отсюда административнымъ порядкомъ двухъ крестьянъ за оскорбленіе пристава на сельскомъ сходѣ. Выслали, но не тѣхъ, кого нужно... Ну, другимъ не повадно будетъ.

Хоронили дѣвочку 6 лѣтъ, одного довѣреннаго товарищества ярослав.-хлопковой мануфактуры, утонувшую въ прудѣ, въ своемъ саду. Замѣчательно, что нашли ее утонувшею головою внизъ ноги на сушѣ, на берегу. Должно быть отъ испугу сразу захлебнулась, не вскрикнула. Родители въ большомъ горѣ отъ такой неожиданной и неприятной смерти старшей дочери, въ особенности мать; послѣдняя болѣе отъ того что считаетъ виновной въ смерти дочери самое себя. Она принялась что-то дѣлать въ домѣ, а дѣвочку отпустила гулять подъ присмотромъ сарта. Дѣвочка ранѣе, за полгода, также пала въ этотъ прудъ, но въ то время ее увидели тотчасъ и она отдѣлалась испугомъ. Конечно, послѣ такого случая нельзя было допускать ее къ пруду ни на минуту. Замѣчательно, что дѣвочка боялась пруда, воды, и родители ее съ трудомъ, со слезами загаскивали въ прудъ купаться, вмѣстѣ съ собою.

25 ноября. Ночью напали на двоихъ здѣшнихъ крестьянъ, ѣхавшихъ изъ города, и ограбили ихъ,—напали на горномъ перевалѣ, гдѣ и прежде изрѣдка случались нападенія, но на сартовъ, а не на русскихъ. Нападающіе съ ружьями и саблями, сарты. Сторонніе говорятъ, что потерпѣвшіе или сами виноваты, задѣли сартовъ первые, или же ничего этого не было, просто они сами разстеряли свои покупки, и придумали въ оправданіе грабежъ. И странно: трое сартовъ—ограбили четверыхъ русскихъ (двое было женщинъ), хотя у послѣднихъ орудія для защиты никакого не было. Дознаніемъ пристава ничего, конечно, не открыто

11 декабря. Утромъ нашли убитаго сарта. По дознанію дѣло запутанное. Сартъ найденъ въ 30 саж. отъ русскаго поселка. Убитый поздно вечеромъ, наканунѣ, былъ въ компаніи съ двумя сартами въ селѣ, затѣмъ пьяные отправились домой, въ кишлакъ, отстоящій въ 1 верстѣ. И вотъ на пути, товарищи его оставили, ибо онъ не могъ итти, опьянѣлъ. Затѣмъ ночью его убили. Компаньены показываютъ на одного русскаго, за дворомъ котораго найденъ убитый. Но никто не видѣлъ. Русскій показываетъ, что онъ гналъ только ихъ съ улицы, и какъ они пошли не видѣлъ. Молва винить въ убійствѣ сарта русскаго-же, но не того, на котораго показываютъ сарты, а другого, у котораго недавно украли лошадь. Значить, убійство совершено изъ мщенія, по злости вообще на сартотъ. Но суть не въ этомъ. Мало-ли бываетъ убійствъ среди сартовъ: изъ ревности, при поливахъ посѣвовъ, грабежахъ. Дѣло въ томъ, что убить близъ русскаго поселка, подозрѣніе падаетъ на русскаго, наканунѣ убійства—убитый съ двумя другими былъ пьяный, а пили въ русскомъ поселкѣ, въ шинкѣ. Показываютъ сарты на домъ, гдѣ они упились. Но едва-ли обвинять домохозяина.

1 января 19... г. Во время службы, за обѣдней было полное солнечное затмѣніе, но погода была неблагоприятная: съ утра шоль

дождь, а потомъ все время небо было покрыто толстымъ слоємъ облаковъ. Въ срединѣ затмѣнія, всетаки, сдѣлалось въ церкви темно, какъ въ сумерки, по стѣнамъ пробѣжали тѣни, желтые круги. Предъ затмѣніемъ много было разныхъ суевѣрныхъ толковъ, ожидали чего-то особеннаго, ужаснаго,—въ родѣ землетрясеній. Одинъ крестьянинъ даже поспѣшилъ окрестить своего новорожденнаго младенца вчера вечеромъ,—завтра, говорить, Богъ знаетъ, что будетъ.

8 января. Во время хожденія по домамъ въ праздникъ довелось наблюдать почти въ каждомъ домѣ непріятныя картины: въ комнатахъ, на террасахъ грязь и вода, крыши протекли отъ сильныхъ дождей и мокраго снѣга въ продолженіи болѣе, чѣмъ недѣли. Для сартовъ такая погода прямо бѣдствіе,—у тѣхъ попадало множество навѣсовъ, дуваловъ и даже саклей. Но нѣтъ худа безъ добра. Крестьяне наши многіе и ранѣе убѣдились въ пользѣ желѣзныхъ крышъ, четверть села—покрылась уже желѣзомъ. Теперь же всѣ поговариваютъ перекрывать свои дома желѣзомъ въ первое же лѣто и во что-бы то ни стало. Такая погода радуется и сартовъ и русскихъ: землю промочило глубоко, такъ какъ при сильныхъ осадкахъ стояло тепло, не морозило. Поэтому есть надежда на посѣвъ богарныхъ (не поливныхъ) земель. А этотъ посѣвъ большое подспорье въ хозяйствѣ, въ особенности для малоземельныхъ сартовъ.

5 февраля. Было покушеніе на здѣшняго губернатора, 2 февраля, когда онъ шолъ отъ обѣдни изъ собора, близъ собора какой-то молодой человекъ сталъ стрѣлять въ него, затѣмъ побѣжалъ, отстрѣливаясь отъ полицейскихъ и казаковъ. Раниль губернаторскаго ординарца, губернаторъ остался не вредимъ.

Преступникъ оказался рабочимъ желѣзнодорожнымъ изъ Коканда, очевидно изъ «сознательныхъ негодяевъ». «Г.г. сознательные желѣзнодорожные» сколько бѣдъ натворили въ 1905 г. забастовками, а теперь занялись убійствами и воровствомъ. Всѣ покражи на станціяхъ и въ пути изъ вагоновъ, покражи товаровъ совершаются не безъ участія и пособничества служащихъ желѣз. дорогъ.

За вѣрность слуховъ не ручаюсь, а говорятъ, что на большихъ станціяхъ, какъ Ташкентъ, служащіе берутъ взятки съ грузоотправителей. Про кондукторовъ пассажирскихъ и говорить нечего, особенно на Ср.-Аз. ж. дорогъ. Это уже я самъ видѣлъ, сколько провозится пассажировъ бесплатно, не исключая и второго класса, — половина. Не потому-ли отчасти наши казенныя дороги даютъ убытокъ, малодоходны.

22 апрѣля. Свѣтлое Христово Воскресеніе. Радостное праздничное настроеніе погода испортила. Послѣ обхода вокругъ церкви, въ началѣ утрени, пошелъ дождь. Яства, по обыкновенію, были разставлены на улицѣ, намочило ихъ, а помѣститься негдѣ, притворъ очень маленькій. Послѣ обѣдни сдѣлалась страшная грязь, еле до

дому дотащились изъ церкви. У молороссовъ опять свои обычаи при освященіи куличей. Тамъ у нихъ такъ дѣлается. Все приносимое разставляется кругомъ церкви, зажигаетъ каждый надъ своими хлѣбами свѣчи. Затѣмъ въ обычное время обходятъ съ иконами и хоругвями вокругъ разставленныхъ куличей, мяса и яицъ, значить и вокругъ церкви три раза, въ тоже время священникъ кропитъ св. водою освященіе, подъ конецъ чтеніе положенныхъ молитвъ у паперти.

30 апрѣля. И въ настоящемъ году отправляли радоницу въ понедѣльникъ на Ѳоминой, сегодня. Теперь уже такъ и пойдетъ, всѣ привыкнутъ совершать поминовеніе въ понедѣльникъ, а не во вторникъ, какъ водится въ большинствѣ великорусскихъ губерній.

На кладбищѣ опять былъ разговоръ, какъ-бы обсадить его деревьями. Говорятъ уже четыре года, обѣщаются обсаживать, а между тѣмъ нашлось десятка два добрыхъ прихожанъ, которые обсадили лишь одну сторону кладбища. Я имъ сказала, что долго отъ нихъ дожидаться устройства кладбища, когда, видимо, нѣтъ искренняго усердія поэтому дѣлу, и что я съ церковнымъ старостой, если возьмемъ, къ будущей же веснѣ обсадимъ все кладбище. Крестьяне обѣщались въ этомъ дѣлѣ помочь, дать съ каждаго дома деньгами по нѣсколько копѣекъ.

Въ Европейской Россіи замѣчаютъ, что со времени объявленія свободъ—осени 1905 г.—замѣтны охлажденіе въ дѣлахъ вѣры и враждебное отношеніе къ духовенству. Здѣсь-же этого я не замѣчаю. Также ходятъ въ церковь, доходы церковные не уменьшились, и наши причтовые—тоже, платятъ по старому за всѣ требы.

17 іюня. Читалъ манифестъ о роспускѣ второй Государственной Думы. Въ самомъ началѣ чтенія одинъ изъ здѣшнихъ крестьянъ, агитаторовъ социаль-революціонной партіи, демонстративно вышелъ изъ церкви. Цѣлый день были разговоры между крестьянами о роспускѣ Думы, разговоры революціоннаго пошиба, и все больше на счетъ земли. «Не хотятъ, видно, намъ земли дать, Думу разогнали, мужикъ съ голоду пропадаетъ безъ земли, а у помѣщиковъ ее тысячи, и т. д.»

Разговоры эти будутъ продолжаться долго. Здѣшніе крестьяне должны быть довольны, устроились, живутъ хорошо, но вотъ имъ нищутъ изъ прежнихъ мѣстъ, съ родины о своей нуждѣ, и здѣшніе печалются о родныхъ и знакомыхъ и толкуютъ объ отобраніи земли у помѣщиковъ.

22 іюня. Сегодня двѣнадцатая годовщина моего пріѣзда въ здѣшній край. Какъ скоро прошло время. И дѣти всѣ здѣсь выросли. Одна кончила ученье, чрезъ годъ кончитъ другая, а потомъ еще чрезъ годъ и сынъ кончитъ гимназію. Очень тяжело здѣсь бучать дѣтей.

Служили молебень на закладкѣ новаго хлопкового завода. Заводы растутъ, какъ грибы. Строится заводъ компаніей: одинъ русскій, другой сартъ. Есть опасность, какъ-бы компаніона сарта не постигла та-же участь, какая выпала на долю сарта-заводчика другой компаніи. Тотъ тоже далъ капиталъ на устройство завода, а русскій его компаніонъ — небольшой участокъ земли подъ заводъ и предложилъ свои хлопоты по устройству... А затѣмъ, чрезъ небольшой промежутокъ времени, сартъ былъ исключенъ изъ компаніи безъ всякаго вознагражденія, и владѣльцемъ завода остался одинъ русскій... Опасаясь неприятностей, онъ этотъ заводъ продалъ одной богатой фирмѣ.

Свящ. В. Иларіоновъ.

Оренбургскій Говъ.

Не такъ давно въ «Оренб. Епарх. Вѣд.» былъ напечатанъ рассказъ изъ быта духовенства подъ названіемъ «Тяжелый крестъ». Рассказъ этотъ, кромѣ своей тендеціозности, рѣшительно ничѣмъ не отличается и совершенно необъяснимо, по какому случаю попалъ онъ на страницы Епархіальныхъ Вѣдомостей и даже перепечатанъ въ «Воскресномъ Днѣ». (См. № 38, с. г.) Написанъ этотъ рассказъ съ претензіей произвести впечатлѣніе въ пользу одинокихъ вдовцевъ-іереевъ, заливающихъ свое горе «монополькой», вызвать къ нимъ сочувствіе со стороны и тѣмъ самымъ намекнуть и публикѣ, и власть имущимъ объ этихъ страдальцахъ, заслуживающихъ только одного снисхожденія.. Намѣреніе благое, но далеко неисполненное и, конечно, совершенно недостигнутое авторомъ, благоразумно скрывшимъ свое имя... (Въ журн. «В.Д.» рассказъ этотъ перепечатанъ безъ подписи).

Авторъ рисуетъ намъ ужасную картину вдовьей жизни одного іерея, опустившагося до такихъ низинъ, что уже дальше итти некуда...

Разрушенный и запущенный вѣшній видъ его жилища является показателемъ того внутренняго моральнаго упадка, до котораго дошелъ его владѣлецъ — пастырь. При бѣгломъ взглядѣ на это убѣжище у каждаго должна рождаться мысль, что его владѣльца и въ головѣ «не все въ порядкѣ»... Дворъ зарос крапивою, сорнымъ репьемъ и другой «дикой» травой... Въ огородѣ запустѣніе... Въ просторной комнатѣ о. Михаила (такъ именуется авторомъ его герой вдовецъ-іерей), которую въ былыя времена называли «заломъ», царитъ полный беспорядокъ. На стѣнѣ виситъ ставленная грамота и нѣсколько фотографическихкихъ карточекъ, засиженныхъ мухами. Въ углу этажерка

заполненная книгами и заставленная бутылками изъ подъ «монопольки». Самъ «Оренбургскій Іовъ» или, какъ его называетъ авторъ, о. Михаилъ, сидитъ въ залѣ около стола и настраиваетъ гитару. Передъ нимъ на столѣ наполовину опорожненная бутылка „казеннаго“... Мысли путаются въ косматой головѣ о. Михаила... Онъ силится сосредоточить думы..., но что-то неотвязное копошится въ его мозгу и мѣшаетъ вдуматься въ прошлое.

Онъ снова наливаетъ рюмку и залпомъ пьетъ... Пьетъ еще и еще... Глаза мигаютъ чаще, а на впалыхъ, желтыхъ щекахъ выступаетъ холодный потъ...

Пальцы о. Михаила бѣгло скользятъ по струнамъ... О. Михаилъ забываетъ и бутылку, и себя самого... Очнувшись послѣ долгой игры, онъ полубезсознательно возвращается къ печальной дѣйствительности и чувствуетъ еще большую пустоту и одиночество, быстро допиваетъ остатокъ содержимаго изъ бутылки и не раздѣваясь ложится на кровать... Далѣе...

Отецъ Михаилъ впадаетъ въ болѣзненный бредъ. Вспоминаетъ смерть своей жены послѣ родовъ, болѣзненно засыпаетъ... Просыпался онъ съ ужасомъ и дрожью во всемъ тѣлѣ... Какъ привидѣніе, среди полумрака и тишины, ошупью тогда ходилъ онъ по комнатамъ, натыкаясь на столы, стулья, рояль, отыскивая водку...

У читателя этого сказанія естественно является вопросъ, не лучше-ли было такому «страдальцу» сложить санъ, чѣмъ доводить себя до положенія неразумной твари и тѣмъ плодить вокругъ себя подобныхъ же подражателей... Авторъ отвѣчаетъ, что о. Михаилъ, дѣйствительно, хотѣлъ было сложить съ себя санъ и выйдти изъ духовнаго званія, но, будто-бы, послѣ долгаго раздумья и колебаній пришолъ къ тому выводу, что другой Та-ни, которую онъ любилъ и на которой обосновалъ (?) счастье своей личной жизни—все равно уже не сыщешь, а къ другого рода службѣ не способенъ, да и влеченія не имѣетъ... Поэтому... къ какому вы думаете, читатель, выводу пришолъ о. Михаилъ?.. Совершенно неожиданно, а именно: «считая свое горе *предопредѣленіемъ свыше*, онъ примирился съ постигшимъ его несчастьемъ и *по примѣру Іова* (не забудьте, читатель, что говоритъ авторъ: «по примѣру Іова»!) выразилъ готовность перенести и другія испытанія.

Сильное горе его перешло въ тихую, безмолвную, но мучительную грусть и онъ отъ времени до времени сталъ прибѣгать къ «монополькѣ»...

Дальше идти уже некуда! «Іовъ»— и вдругъ— монополька въ минуты утѣшенія... Какое же сравненіе? Вѣдь такое сравненіе и такой выводъ можно сдѣлать только „разсудку вопреки и на-

перекоръ стихіямъ“...

И эту белиберду, простите за выраженіе, печатають въ духовныхъ журналахъ въ поученіе и назиданіе...

Вы, читатель, подумаете, что авторъ, можетъ быть, хоть къ концу повѣсти отрезвилъ своего героя и показалъ въ немъ хоть нѣкоторыя усилія быть похожимъ на Іова, съ которымъ онъ его сравнилъ?

Ничуть небывало... Напротивъ, онъ окончательно утопилъ его въ зеленой чарѣ... Вотъ какъ онъ объ этомъ пишетъ, «Алкоголь въ трудныя минуты о. Михаила парализовалъ его мыслительную дѣятельность и онъ ходилъ въ какомъ-то чаду, не отдавая себѣ яснаго отчета въ происшедшемъ и происходившемъ (это Іовъ-то!)... Ничемъ не интересуясь въ личной своей жизни (хорошъ Іовъ!) и углубившись въ себя, (sic!) о. Михайлъ разстался сначала съ парой любимыхъ матушкиныхъ коней (то есть, выражаясь по просту—пропилъ ихъ), затѣмъ—коровъ, фаэтонъ, телѣгу, сани, сбрую, индѣекъ, цесарокъ... По настоянію кухарки Марѣы осталась только одна корова»...

Но интереснѣе всего конецъ... «Не разстался бы только развѣ о. Михайлъ съ роялемъ и гитарой, на которыхъ онъ, послѣ неудачныхъ попытокъ утопить горе въ винѣ, отводить свою душу»...

Вотъ—такъ Іовъ!.. И эту статейку авторъ еще называетъ «Тяжелый Крестъ»... Какъ нестыдно!.. Эхъ писатели, писатели!.. Лучше-бы вы ужъ не писали, или не печатали-бы хоть въ духовныхъ-то журналахъ такія бредни!.. И безъ того ужъ засорена современная печать, а тутъ еще и духовные „литераторы“ туда-же тянутъ...

Отцы, очнитесь!

Свящ. М. Колобовъ.

Радикалы и церковь.

Громкій скандалъ разыгрался въ Саратовской городской думѣ. Къ глубокому сожалѣнію, поводомъ къ скандалу послужилъ недавній юбилей нашего великаго романиста. Саратовская дума возымѣла почтенное намѣреніе привѣтствовать 80-лѣтіе жизни гр. Л. Н. Толстого. Рѣшено было послать юбиляру телеграмму. Но она была составлена въ выраженіяхъ, которыя возмутили представителя отъ духовенства, протоіерей Кречетовича. Въмѣсто того, чтобы заявить протестъ свой въ такъ называемыхъ парламентарныхъ формахъ, отецъ протоіерей назвалъ постановленія думы «позорными»—конечно, съ точки зрѣнія представителя церкви. Слова: «позоръ», «позорный» до такой степени истрепаны ежедневнымъ употребле-

ніемъ въ парламентахъ, что саратовская дума имѣла полное основаніе считать рѣзкое выраженіе о. Кречетовича вполне «парламентарнымъ», т. е. допустимымъ въ языкѣ обсужденій. Но саратовская дума страшно обидѣлась. Поднялся невообразимый скандалъ. На протоіерея начали кричать, махать кулаками, предлагали ему выйти вонъ и пр. Рѣшили, что дума оскорблена, поручили управѣ просить епископа о замѣнѣ о. Кречетовича, какъ представителя духовенства, другимъ священникомъ. Въ Саратовѣ править либеральный губернаторъ, который съ величайшей поспѣшностью утвердилъ это постановленіе и разрѣшилъ даже привести его въ исполненіе, не выжидая 2-хъ-недѣльнаго срока. До какой степени радикальная саратовская дума была раздражена на дерзкаго священника, показало ближайшее засѣданіе—3 сентября. Хотя о. протоіерей держалъ себя смиренно, но гласные общимъ хоромъ потребовали удаленія о. Кречетовича. Голова пробовалъ было уговорить гласныхъ съ одной стороны и строптиваго батюшку—съ другой, но батюшка, подобно Макъ-Магону, рѣшилъ: *Ju suis, Ju reste*. Ему даже не предложили, какъ Макъ Магону: *se soumettre ou se démettre*, а объявили, по модному, «бойкотъ». Большинство гласныхъ вышли изъ засѣданія, и оно, такимъ образомъ, было сорвано. Тогда городской голова послалъ мѣстному епископу письмо, на которое преосвященный Гермогенъ отвѣтилъ крайне любопытнымъ посланіемъ.

Помня старый режимъ, радикальная дума была увѣрена, что архіерей испугается думы (прежніе наши архи-пастыри были такъ напуганы, что всякаго куста боялись); ждали, что дерзкаго протоіерея если не сотрутъ въ порошокъ, то во всякомъ случаѣ сейчасъ же уберутъ. Подумайте только: самъ губернаторъ одобрилъ постановленіе думы! Но случилось нѣчто неожиданное. Епископъ Гермогенъ какъ будто заразился отъ новаго режима его смѣлостью. Онъ не только не нашелъ въ поступкѣ о. Кречетовича чего-нибудь предосудительнаго, но вполне присоединился къ этому поступку, одобрилъ его, назвалъ «подвигомъ». Дѣло въ томъ, что саратовская дума привѣтствовала гр. Толстого вообще, какъ писателя, не выдѣливъ своего отношенія къ нему, какъ къ религіозному и политическому отрицателю. Въ телеграммѣ даже упоминается имя «Господа Бога и Провидѣнія», надъ которымъ, по мнѣнію преосв. Гермогена, «всегда безумно глумился Толстой, какъ отвергающій личнаго Бога и его провидѣніе и промыслъ о мірѣ и человѣкѣ». Архіерею совершенно кажется естественнымъ, что протоіерею Кречетовичу, какъ знакомому съ богословскими взглядами Толстого, «невольнo представился и обрисовался мрачный обликъ Толстого, какъ ужаснѣйшаго хулителя Бога, святой вѣры, церкви, вѣрующихъ людей, обликъ ужаснаго нравственнаго развратителя, произведенія котораго произведено опустошеніе тысячей душъ людей русскихъ юношеска-

го, зрѣлаго и даже старческаго возраста, поистинѣ обликъ великаго волка-хищника». Отзывъ этотъ, замѣьте, — данъ въ официальной бумагѣ по поводу только что состоявшагося чествованія отцами города знаменитаго русскаго беллетриста Дальше въ письмѣ есть еще болѣе рѣзкія выраженія: «страшныя сатанинскія черты возмутительнаго кощунника и нераскаяннаго еретика, богоотступника, отверженнаго православною церковью и преданнаго анаемѣ», «ужаснаго уroda» и пр. и пр. Епископъ Гермогенъ утверждаетъ, что чествованіе такого человѣка, какъ Левъ Толстой, было «сущимъ позорищемъ для общества во всѣхъ отношеніяхъ — и въ религиозно-нравственномъ, патріотическомъ и даже чисто бытовомъ». Епископъ указываетъ несообразность со стороны разныхъ учреждений чествованія человѣка, который отрицаетъ въ самомъ корнѣ всѣ человѣческія учрежденія, касающіяся общественнаго порядка и управления. Мало того: епископъ — въ качествѣ архипастыря саратовскихъ духовныхъ чадъ — дѣлаетъ имъ свое святительское порицаніе: «Стыдно и грѣшно людямъ почтеннымъ уподобляться нетерпѣливымъ отрокамъ и набрасываться съ обидой и оскорбленіями, какъ и самымъ дѣйствіемъ, на эту смѣлую нравственную и религиозно-церковную чуткость въ духовномъ пастырѣ, стремиться какъ-бы сейчасъ закрыть ей уста и задумать броситься на нее со всею силою и, наконецъ, принимать всѣ мѣры, до забастовки включительно, чтобы отогнать ее вонъ отъ себя, чтобы она перестала нарушать «спокойствіе» при обсужденіи такихъ, конечно прискорбнѣйшихъ дѣлъ, какъ чествованіе всероссійскаго нравственнаго злодѣя, ненавистника Бога, вѣрующей Россіи, всего русскаго народа» и пр. (цитирую эти почти бранныя слова, чтобы показать фанатизмъ силы, съ которою столкнулась радикальная саратовская дума). Въ заключеніе, воздавъ похвалу протоіерею Кречетовичу, епископъ Гермогенъ предлагаетъ, «если большинство гласныхъ не удовлетворится симъ отвѣтомъ» — обратиться къ судебной власти на предметъ преслѣдованія о. Кречетовича за оскорбленіе думы, самъ же епископъ не находитъ ни права, ни юридическихъ основаній, чтобы замѣнить протоіерея Кречетовича въ думѣ другимъ священникомъ. И дѣйствительно, въ слѣдующее засѣданіе думы снова явился о. Кречетовичъ. Вы думаете, что дума послѣдовала совѣту преосвященнаго Гермогена и обратилась къ судебной власти? Ничуть. По сообщенію еврейской «Рѣчи», горячо принявшей это дѣло къ сердцу, саратовская дума единогласно постановила жаловаться оберъ-прокурору св. синода, «указавъ ему, что отношеніе епископа вноситъ не успокоеніе, а вражду. Кречетовича рѣшено бойкотировать».

Это послѣднее заявленія «бойкотировать протоіерея» звучитъ знаменательно. Оно сразу даетъ тонъ всей этой бурѣ въ радикальномъ захолюстѣ, гдѣ столкнулись всѣ элементы старой и новой

Россіи. Радикальная дума, либеральный губернаторъ, сильно ожидавшее общество, загнивающее жидовской печатью, безмолствующій народъ и два представителя исчезающаго типа—вѣрующіихъ пастырей. Нѣтъ надобности оговаривать, до какой степени прискорбны рѣзкія порицанія великому романисту со стороны простаго и высокопоставленнаго духовенства. Не одинъ еп. Гермогенъ, — въ тѣхъ же терминахъ проклятій о Львѣ Толстомъ отзывались такіе выдающіеся іерархіи, какъ Никаноръ Херсонскій или такой любимецъ народный, какъ о. Іоаннъ Кронштадтскій. Вражда вѣрующей части духовенства къ Толстому необъяснима для тѣхъ, кто не читалъ ралигіозныхъ писаній графа («Церковь и Государство», «Отвѣтъ Синоду» и пр.). Въ этихъ запрещенныхъ сочиненіяхъ графъ Толстой, къ сожалѣнію, самъ прибѣгаетъ къ рѣзкостямъ совершенно того же рода. Толстой не только *отрицаетъ* исторически-сложившееся христіанство, православіе, церковь, таинства, обряды, догматы, преданія, но не можетъ удержаться отъ порицанія, осмѣиванія, издѣвательства*) надъ всѣмъ, что еще многимъ дорого, какъ святыня. Можетъ быть это его право, какъ свободаго; мыслителя. Вольтеръ прибѣгалъ къ подобной же брани на церковь. Вообще, честные, искреннее убѣжденіе не можетъ не быть иногда рѣзкимъ. Знаменитая пощечина Арію нанесена была святымъ, котораго церковь называетъ «правиломъ вѣры, образомъ кротости, воздержанія учителемъ». Л. Н. Толстой не святой, т. е. не канонизированъ церковью, — стало быть нельзя ставить ему въ большую вину *рѣзкость* сужденія о церкви. Право религіознаго отрицанія за нимъ неотъемлемо, какъ за всякимъ человекомъ. Если церковь не сумѣла удержать въ своемъ обаяніи этотъ художественный талантъ, то не все ли равно: ушелъ ли онъ съ реверансами или сердито хлопнулъ дверью? Не ставя Толстому вину его брань противъ церкви, не слѣдуетъ ставить въ вину и духовенству—такую же брань на Толстого. Гдѣ же вы видѣли, чтобы религіозный и политическій споръ обходился безъ брани? «Брань—оружіе слабыхъ», говоритъ пословица; слабость приходится извинять другъ другу, — въ тѣхъ случаяхъ, конечно, когда она не превращается въ систематическое злодѣйство, какъ это въ грязной еврейской печати.

Въ описанномъ случаѣ хочется спросить: съ достоинствомъ ли повели себя саратовскіе радикалы? Далеко нѣтъ. Преосвященный Гермогенъ имѣетъ репутацію «черносотенца», но его письмо есть не что иное какъ защита перваго догмата либерализма—свободы мнѣній. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ: саратовскіе радикалы хотятъ зажать ротъ своему черносотенному сочлену! «Ахъ, ты съ нами не согласенъ,—убирайся вонъ!». Что протоіерей Кречетовичъ назвалъ поста-

*) См. И. Айвазовъ. „Кто такой Л. Толстой“. Москва. 1908.

новленіе думы «позорнымъ»—въ этомъ только формалисты и судейскіе крючкотворы могутъ найти *оскорбленіе* думѣ. Ни въ малѣйшей степени это не оскорбленіе, ибо всѣмъ ясно, что никакого желанія *оскорбить* думу у о. Кречетовича не было. У него было желаніе остановить думу отъ рѣшенія, которое казалось ему постыднымъ,— и какъ же иначе, какимъ инымъ способомъ могъ-бы онъ высказать свой взглядъ на это рѣшеніе? Уважая свою колегію и желая ей только блага, каждый членъ бываетъ поставленъ въ необходимость осудить ея рѣшенія, осудить во всей полнотѣ ея пониманія. Это не только право, но и долгъ каждаго члена колегіи. Недопустимы конечно даже въ родной семьѣ выраженія неприличныя, имѣющія характеръ явной брани. Но слово «позоръ» само по себѣ вполне приличное, со всѣхъ точекъ зрѣнія—цензурное. Весь укорительный смыслъ этого слова относится не къ членамъ саратовской думы, а къ предмету ихъ чествованія, но, какъ сказано выше, въ смыслѣ рѣзкости мнѣній Толстой и духовенство—квиты. Впрочемъ, если бы укоризна была направлена и прямо на городскую думу,—укоризна еще не есть оскорбленіе. Протоіерею Кречетовичу, какъ духовному отцу, приходится говорить саратовскимъ христіанамъ и не такія укоризны. Какъ человѣкъ апостольскаго призванія въ обществѣ, онъ имѣетъ и право, и долгъ указывать поступки позорныя съ апостольской точки зрѣнія. Оскорбительно это показалось бы г.г. радикаламъ или нѣтъ, онъ имѣлъ право пристыдить ихъ, какъ христіанъ и гражданъ. Онъ могъ бы сказать: давайте, подпишемтесь всѣ подъ привѣтствіемъ Льву Толстому, какъ художнику. Но если вы хотите привѣтствовать въ лицѣ его и религіознаго и политическаго отрицателя, то не стыдно ли вамъ притворяться христіанами, и именно православными? Не стыдно-ли пользоваться правами, связанными съ этимъ господствующимъ вѣроисповѣданіемъ? Не стыдно ли вамъ называться подданными государства и членами учреждений, порицаемыхъ Толстымъ? Чествуя отрицателя всего строя вашей жизни и вашей будто-бы исповѣдуемой вѣры, вы выдаете себя либо за круглыхъ невѣждъ, либо за лицемѣровъ, предателей вѣры и государственности. Развѣ не постыдно такое двоедушіе, развѣ не позоръ—двуличность? Такъ могъ бы всякій священникъ укорить ломающихъ комедію радикаловъ. Что тутъ мы имѣемъ дѣло съ политической комедіей, дѣло слишкомъ ясно. Ужъ конечно не Левъ Толстой, самъ по себѣ, сколько-нибудь дорогъ саратовскимъ товарищамъ. Едва-ли хоть одинъ изъ нихъ имѣетъ вполне ясное представленіе о великомъ человѣкѣ. Даже если говорить о художественномъ гениі Толстого—съ какого времени гласныя саратовской думы сдѣлались тонкими эстетиками? Чтобы искренно признавать талантъ, надо имѣть его въ собственной головѣ. Если же говорить о христіанскомъ анархизмѣ Толстого, то развѣ хоть одинъ гласный саратовской думы отказался отъ своего имущества, семьи, культурнаго труда, цивилизаціи? Нѣтъ. Стало быть вся эта скандальная

история есть просто глупая демонстрація противъ того строя, который сами же г-да радикалы поддерживаютъ и которымъ держаться.

Въ обращеніи съ жалобой по начальству чудесно вскрылась суть російскаго радикализма. Чуть ты не напихъ мнѣній, — эй, городской! «Ваше преосвященство! Ваше превосходительство! Уберите смутьяна. Уберите челоуѣка, который мѣшаетъ «успокоенію» общества». Это словечко «успокоеніе» тоже характерно. Въ Саратовѣ знаютъ, что петербургская бюрократія провозглашаетъ этотъ лозунгъ: «успокоеніе»! И вотъ саратовскіе радикалы, поддѣливаясь подъ Петербургъ, аргументируютъ на «успокоеніе». Смута, видите ли, идетъ отъ духовенства, защищающаго церковь.

Въ жалкой саратовской исторіи еще незвѣстно, какъ отвѣтить на нее Св. Синодъ. Но неожиданное выступленіе епископа Гермогена въ защиту церкви должно дать понять російскому радикализму, что старый режимъ миновалъ и для духовенства. И для церкви наступаютъ новыя времена. А что если вѣками униженная и оскорбленная церковь тоже воспользуется всѣми свободами, чтобы защищать себя? Что если выступать горячо вѣрующіе пастыри и іерархи и поднимутъ древнюю проповѣдь, когда-то волновавшую необозримыя массы? Что если преемники учениковъ Христа захотятъ воспользоваться всѣмъ объемомъ своей апостольской власти? Тогда еврействующимъ радикаламъ придется услышать и нѣчто болѣе острое, чѣмъ невинное слово «позоръ». (Н. В.)

М. Меньшиновъ.

Епархіальная и общая хроника.

☩ **Освященіе городской больницы.** Новую больницу въ г. Вѣрномъ, устроенную на 60 больныхъ, изволилъ освятить лично его преосвященство, преосвященнѣйшій Димитрій 26 сего сентября. Предъ молебствіемъ преосвященный сказалъ приличное случаю слово и благодарилъ представителей гражданъ за труды по устройству.

Послѣ молебна владыка принялъ отъ города угощеніе.

☩ **Благодарственный молебенъ.** 25-го сентября, въ 2 часа дня, его преосвященство совершилъ въ кафедральномъ соборѣ благодарственное Господу Богу молебствіе о благополучномъ избавленіи туркестанскаго генераль-губернатора П. И. Мищенко отъ угрожавшей, его высокопревосходительству смертельной опасности въ г. Асхабадѣ.

На молебенъ явились представители всѣхъ учреждений, находящихся въ г. Вѣрномъ съ губернаторомъ г. л. Покотило во главѣ и учащіе и учащіяся всѣхъ учебныхъ заведеній г. Вѣрнаго. Послѣ молебна было провозглашено г. генераль-губернатору многолѣтіе.

Молебену предшествовала прочувствованная рѣчь его преосвященства.

☩ **Живопись Аехабадскаго соборнаго храма.** Нѣкто „Пикторъ“ въ Закасп. Обзор. сообщаетъ слѣдующее о внутреннемъ украшеніи асхабадскаго собора. Внутренняя отдѣлка соборнаго храма приближается къ концу. Присматриваясь къ фигурной отдѣлкѣ собора, замѣтно, что она была исполнена въ духѣ извѣстнаго нашего художника Васнецова. Рисующій старался, конечно, передать тѣ прелести, которыми мы можемъ восхищаться только въ кievскомъ Владимірскомъ соборѣ и въ недавно открытомъ въ Петербургѣ храмѣ Воскресенія Христова. Довольно удачно нарисованъ Богъ-Отецъ въ абсидѣ соборнаго храма; фонъ очень

подходящій, но по сторонамъ надъ аркою, розовая пустота могла бы быть удачно заполнена васнецовскими херувимами. Запрестольная икона оставляетъ пріятное впечатлѣніе, хотя она и и сдѣлана не изъ жженнаго стекла.

Настоящая икона исполнена художникомъ или маслянными прозрачными, или лаковыми красками; разумѣется, она не будетъ имѣть той долговѣчности, какую имѣютъ такія работы, исполненные смальтовыми красками и затѣмъ выжигаемыми. На этой иконѣ-Воскресеніе Христа Спасителя, слѣдовало изобразить десницу благословящую міръ. Четыре евангелиста взяты тоже изъ Владимірскаго собора въ Кіевѣ, но розовый фонъ выбранъ неудачно. Въ главномъ куполѣ нарисованы св. апостолы слишкомъ маленькихъ размѣровъ, тамъ вполне можно было бы нарисовать ихъ бюсты. Раскраска абсиды, главнаго купола и стѣнъ не совсѣмъ удачная, краски или очень ярки или очень нѣжны. Голубой тонъ въ абсидѣ надъ алтаремъ тотъ же самый, что и въ главномъ куполѣ и у подошвы барабана; слѣдовало же сдѣлать его матовымъ въ абсидѣ, а въ куполѣ усѣянномъ золотыми звѣздочками. Вообще, что касается голубыхъ и синихъ тоновъ, то живописецъ долженъ былъ бы быть очень осмотрительнымъ, и примѣнять ихъ по возможности, въ очень маломъ количествѣ, дабы не получилось того непріятнаго впечатлѣнія (не гармоничности) красокъ, какое встрѣчается теперь въ соборномъ храмѣ. Конечно, для человѣка мало или совсѣмъ не свѣдующаго о гармоничности красокъ или колоритѣ, все будетъ казаться очень красивымъ. Въ общемъ раскраска асхабад. соборнаго храма, хотя еще не совсѣмъ оконченная, поражаетъ отсутствіемъ колорита. Орнаменты, сдѣланные по трафарету, въ соборномъ храмѣ не годятся. Исполненіе орнаментовъ, такъ называемой бѣлой пластинки, не изящно, нельзя разобратъся ни въ тѣни ни на свѣту, нѣтъ бликовъ, не соблюдены никакой стиль.

Надписи по аркамъ слѣдовало-бы подобрать болѣе подходящими къ великому событію „Воскресенія Христова“.

Съ наружной стороны соборъ производитъ впечатлѣніе небольшой церкви, нѣтъ въ немъ той величественности, которой гордятся другіе соборные храмы. Оконные рамы скорѣе подошли бы для какой нибудь дачи, построенной въ русскомъ стилѣ, а слишкомъ большая пестрота стеколъ не придаетъ красоты собору. Внутри храма стѣны очень громоздки и много тутъ лишнихъ закаулковъ. Если бы по строительному искусству было все на $\frac{1}{3}$ слабѣе, то не было бы никакой опасности въ случаѣ землетрясенія.

Асхабад. соборный храмъ изобилуетъ арками, куда не оглянешь вездѣ арки, клиросовъ нѣтъ зато построены тяжелые хоры для пѣвчихъ. Храмъ въ три предѣла, изъ нихъ правый и лѣвый будутъ втѣснены между очень капитальными стѣнами и слышкомъ малы.

Можно еще добавить, что вновь строющаяся мусульманская мечеть по своей архитектурѣ гораздо изящнѣе, монументальнѣе и воздушнѣе.

Въ дѣлу Айвазовъ-Толстой. Дѣло о брошюрѣ миссіонера Айвазова: „Кто такой Левъ Толстой“ принимаетъ неожиданныя формы. Мѣстные комитеты по дѣламъ печати, придя къ убѣжденію, что авторъ означенной брошюры, полемизируя съ ученіемъ Льва Толстого, не имѣлъ умысла совершить „распространеніе“ сочиненій Толстого, а приводилъ ихъ съ исключительной цѣлью поставить полемику на основу „фактическихъ изысканій“, открываетъ новое примѣненіе закона 26 апрѣля 1906 г.

До сихъ поръ обыкновенно одновременно съ распоряженіемъ, о конфискаціи изданія противъ виновнаго возбуждалось преслѣдованіе. Но такъ какъ, по произведенному разслѣдованію, въ официальномъ органѣ „Церковный Вѣстникъ“, а равно и въ другихъ официальныхъ изданіяхъ приводились цитаты, аналогичныя приведенной г. Айвазовымъ, рѣшено направить дѣло о брошюрѣ Айвазова въ порядкѣ 5 и 6 пунктовъ временнаго закона о неопременной печати.

Въ силу этого комитеты по дѣламъ печати передали въ настоящее время вопросъ на рѣшеніе мѣстныхъ судебныхъ установленій, безъ возбужденія противъ автора брошюры уголовнаго преслѣдованія.

Въ принципѣ судебныя палаты присоединяются къ ходатайству комитетовъ по дѣламъ печати, причемъ сдѣлано заключеніе въ томъ смыслѣ, что „въ виду отсутствія основаній къ возбужденію уголовного преслѣдованія въ представленномъ произведеніи печати, но при наличности признаковъ преступнаго дѣянія, надлежитъ постановить приговоръ объ уничтоженіи означеннаго произведенія печати, а также стереотиповъ и другихъ принадлежностей тисненія, заготовленныхъ для его напечатанія, съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ статьѣ 7 указа отъ 18 марта 1906 года (собр. узак., ст. 428)“. „С.“

Декларация французскихъ епископовъ. Въ прошлое воскресенье (7 (20) сентября сего года), во всѣхъ церквахъ Франціи былъ прочитанъ документъ громаднаго церковной важности, подписанный всѣми французскимъ кардиналами, архіепископами и епископами. Такъ какъ со времени отдѣленія церкви отъ государства во Франціи свѣтскія власти не желаютъ больше знать духовныя власть и имѣть съ нею сношенія, то французскому духовенству не остается другого пути, какъ только пути непосредственнаго обращенія къ своей паствѣ. Вслѣдствіе сего высшіе іерархи католической церкви во Франціи составили коллективную декларацию, въ которой они, обращаясь ко всѣмъ главамъ христіанскихъ семействъ въ государствѣ, просятъ ихъ защитить свободу преподаванія и обученія отъ готовящагося нападенія со стороны правительства.

По имѣющимся въ епископатѣ свѣдѣніямъ въ палатѣ готовится законопроектъ касательно всеобщаго обученія и преподаванія, составленный въ совершенно антирелигіозномъ духѣ и связывающій окончательно волю родителей въ отношеніи предоставленія своимъ дѣтямъ такого образованія, какое отвѣчаетъ вѣрѣ и кореннымъ убѣжденіямъ этихъ родителей. По мнѣнію епископовъ, будущій законъ направленъ къ тому, чтобы вполнѣ, такъ сказать, „конфисковать“ дѣтей у родителей въ пользу отрѣшившагося отъ церкви государства, и, такимъ образомъ, ввести въ дѣйствіе самую ненавистную для свободы духа тиранію. „Дѣти принадлежатъ сначала родителямъ, а затѣмъ уже власть надъ ними переходитъ къ государству“, говорятъ епископы въ своей деклараціи, „и государство не должно игнорировать это естественное и первобытное право семьи и не можетъ претендовать на занятіе по отношенію къ ребенку мѣсто его родителей“. Въ качествѣ „матери“ церковь тоже имѣетъ право воспитывать христіанскихъ дѣтей, а потому она также имѣетъ право указывать главамъ христіанскихъ семействъ на выполненіе ихъ священной обязанности, а именно: всѣми мѣрами защищать свободу совѣсти и вѣры въ этомъ важномъ дѣлѣ, касающемся духовной судьбы ихъ дѣтей. „Въ этой борьбѣ и защитѣ мы будемъ опираться и разсчитывать на васъ, а вы на насъ“—такъ заканчиваютъ свою энергичную декларацию французскіе епископы.

Такимъ образомъ, въ ближайшемъ будущемъ христіанскій міръ сдѣлается свидѣтелемъ новаго фазиса борьбы между церковью и государствомъ во Франціи, а потому весьма назидательно обратить вниманіе на тѣ симптомы, которые обнаруживаютъ жизнеспособность и крѣпость католической церкви въ этомъ государствѣ. Мы уже имѣли случай въ прошломъ году сообщить о пламенномъ возваніи архіепископа ліонскаго монсеньора Кулье касательно возрожденія и оживленія католическихъ приходовъ во Франціи. Приходская жизнь въ ней очевидно крѣпнетъ и подъ вліяніемъ гоненій и притѣсненій замѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ большая сплоченность среди прихожанъ. Такъ мы, въ видѣ примѣра, отмѣтимъ то единодушіе, которое недавно проявилось въ глухомъ уголкѣ французской Савойи среди прихожанъ церкви св. Кристофа (de la Grotte), постановившихъ выкупить свою церковь (и кладбище при ней), проданную съ публичныхъ торговъ гражданскимъ трибуналомъ въ Греноблѣ.

Здѣсь вкратцѣ мы скажемъ также о крайне симпатичномъ явленіи, замѣчаемомъ, главнымъ образомъ, среди сельскаго французскаго духовенства, которое, послѣ отдѣленія церкви отъ государства, рѣшилось для поддержанія своихъ скромныхъ матеріальныхъ интересовъ объединиться въ общество или союзъ, извѣстный нынѣ во франціи подъ инициалами А. Р. О. (alliance des pretres-ouvriers) т. е.

союзъ священниковъ работниковъ. Союзъ этотъ, возникшій по почину аббата Луи Баллю и съ благословенія турскаго епископа Рену, считается въ настоящее время въ своемъ составѣ свыше 600 членовъ. Въ нынѣшнемъ году, лѣтомъ, онъ устроилъ въ Туреннѣ въ замкѣ графа Бежари, подъ названіемъ Кандѣ, выставку работъ этихъ священниковъ-труженниковъ, достоящихъ средства для своего существованія ручнымъ трудомъ. На этой выставкѣ, имѣвшей успѣхъ, были помѣщены картины, книги, фотографіи, вышивки, мебель—все работы этихъ священниковъ, а также и овощи, выращенные ими въ своихъ огородахъ. Если приходская жизнь возродится во Франціи на старыхъ вѣковѣчныхъ христіанскихъ началахъ и произойдетъ спасительное сближеніе и объединеніе пастырей съ пасомыми на творческой христіанской дѣятельности,—то можно съ увѣренностью предсказать, что католическая церковь во Франціи выйдетъ съ честью изъ тѣхъ испытаній и невзгодъ, которыя на нее обрушались за послѣдніе годы.

А. Папковъ.

Жертва революціонеровъ. Недавно въ Харьковѣ казненъ молодой крестьянинъ Михаилъ Петровичъ Усовъ, виновный въ принадлежности въ социальную революціонную партію и убійствѣ полковника въ г. Славянскѣ на глазахъ у жены и дѣтей. Предъ смертью этотъ юноша, раскаявшійся въ злодѣянствѣхъ, имъ совершенныхъ, написалъ письмо старику-отцу, живущему въ г. Козловѣ.

Отецъ передалъ это письмо въ мѣстную „Газету“. Приводимъ этотъ трагическій документъ. Пусть его прочтутъ молодые люди изъ народа, которыхъ коварные революціонеры увлекаютъ въ свои преступныя сообщества. Вотъ это письмо:

„Здраствуйте, папа! Какъ живете? Какъ ваше здоровье? До этой минуты я живъ и здоровъ, но не больше, какъ черезъ часъ, меня уже не будетъ здѣсь, въ этомъ мѣрѣ. Тогда, папа, молю васъ, не проклинайте, а помяните меня на своей молитвѣ, которую вы такъ хорошо можете возносить къ Господу. Папа, сегодня вечеромъ я легъ спать и не думалъ что подходитъ послѣдній часъ, т. е. что меня ожидаетъ смерть. Но вотъ въ 9 часовъ вдругъ зовутъ, куда—не зная. Привели въ контору, гдѣ принимаютъ этапныхъ арестантовъ. За тѣмъ пришолъ ко мнѣ священникъ и спросилъ, не желаю ли я принять его? Я конечно, изъявилъ полное согласіе, отъ чистаго сердца принялъ его. И вотъ, когда исповѣдался и причастился Святыхъ Христовыхъ Таинъ, то попросилъ, чтобы, позволили написать вамъ письмо, что и дѣлаю въ настоящую минуту, т. е. передъ самою смертью. Каково, папа! 7 мѣсяцевъ жилъ и вдругъ такая штука, вѣшать вздумали... Ну, ничего: Господь сказалъ, что поднявшій мечъ, отъ меча и погибнетъ: такъ и случилось. Черезъ 20 минутъ я иду на вѣрную смерть, уже здѣсь меня никто ни спасетъ, ни другъ, ни врагъ, и я не желаю спасенія, потому что достаточно насмотрѣлся на горе людей, такъ чтобы не видать этого, то лучшей самый исходъ, это отдаваться въ руки властей. Ну, отецъ, прости, прости на вѣки! Теперь уже больше я не напишу вамъ письма и не увижу больше вашей милой улыбки. Папа, прошу васъ, отслужите по моей грѣшной душѣ *хотя одну панихиду*. А, также передайте мое послѣднее прости всѣмъ роднымъ и знакомымъ, а у матери своей, хотя и не родной, прошу самое-самое великое прошеніе, въ силу того что я часто повторялъ, что погибъ за нее, но это не правда: я погибъ за... за дурь свою... Прощайте! Пишите мнѣ письма на тотъ свѣтъ. Мнѣ некогда—ждутъ... Вашъ сынъ, теперь покойникъ, Михаилъ Петровъ Усовъ. Харьковъ 16 мая 1908 года, 12 часовъ ночи.

Миръ душѣ бѣднаго мальчика, искупившаго свою вину тяжелымъ страданіемъ и смертью и да будутъ прокляты злодѣи, развращающіе и губящіе бѣдную русскую молодежь. „Совр. Обзор.“ № 34.

Содержаніе неофициальной части: Пастырь-исповѣдникъ. М. Колобовъ.—Чествованіе о. П. Богородицкаго.—Дневн. свящ. В. Иларіоновъ.—Оренбургскій ювъ. М. Колобовъ.—Радикалы и церковь. М. Меньшиковъ.—Епархіальная и общая хроника.

Отвѣтственный редакторъ, свящ. М. Колобовъ.

Типографія штаба войскъ Семиръч. области.